

Д.С. Артамонов

ИЗ ИСТОРИИ «МОСКОВСКОГО ЗАГОВОРА» 1817 года

«Московский заговор» 1817 г. – ключевое событие в истории тайных обществ России первой четверти XIX в. Оно не раз привлекало к себе внимание исследователей декабризма. М.В. Нечкина, И.В. Порох, В.В. Пугачев, С.В. Мироненко и в последнее время Е.Н. Туманик обстоятельно изучали причины и ход заговора. Между тем в историографии еще не сформировалось ясное представление о Московском совещании декабристов в 1817 г. В.В. Пугачев, отмечая «немногочисленные свидетельства о «Московском заговоре» 1817 года», был убежден, что «восстановить по ним историю с проектом убийства царя невозможно»¹. Современный историк Е.Н. Туманик также считает, что «цельной картины происшедшего в тот вечер на квартире А.Н. Муравьева исследователям, вероятно, не удастся воспроизвести никогда», так как «восприятие события у всех участников собрания оказалось крайне фрагментарным, каждый в силу объективных и субъективных причин запомнил лишь то, что поразило его больше всего»².

Как мне думается, материалы следственных дел декабристов³, воспоминания И.Д. Якушкина⁴ и С.П. Трубецкого⁵ все же позволяют реконструировать этот сюжет.

Осенью 1817 г. царский двор и вся царская семья, переехали из Петербурга в Москву для участия в торжествах по случаю закладки Храма Христа. Вместе с царствующей фамилией в Москву прибыла и значительная часть гвардии. В составе гвардейского отряда в Москву перебазировался и основной костяк Союза Спасения.

Квартиры полковника А.Н. Муравьева в Шефском доме Хамовнических казарм и полковника М.А. Фонвизина в Староконюшенном переулке стали местом постоянных сборов декабристов. На этих собраниях, кроме А.Н. Муравьева и М.А. Фонвизина, присутствовали Никита Муравьев, И.Д. Якушкин, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Ф.П. Шаховской, М.С. Лунин и М.Н. Муравьев. Обязанности старейшины или председателя Союза Спасения исполнял тогда Александр Николаевич Муравьев⁶.

Начало событиям положил разговор Александра I со своим флигель-адъютантом и одновременно членом Союза Спасения князем П.П. Лопухиным. Мысли, высказанные императором, оказались настолько примечательными, что Лопухин немедленно сообщил о них С.П. Трубецкому, который, в свою очередь, счел необходимым письменно известить о выяснившихся намерениях Александра I своих товарищей, находившихся в то время с гвардейскими корпусами в Москве. Полученные от Трубецкого известия и стали толчком к возникновению «заговора»⁷.

С.В. Мироненко убедительно доказал, что причиной заговора стало сообщение в письме Трубецкого о планах императора не только восстановить Польшу в границах 1772 г., присоединив к ней часть украинских и белорусских земель, но и о плане освобождения крестьян⁸. Е.Н. Туманик, ссылаясь на С.В. Мироненко, утверждает, «что в письме, полученном А.Н. Муравьевым, была ярко продемонстрирована готовность государя в самое ближайшее время освободить крестьян, и именно эта мысль являлась в послании доминирующей, польские дела отходили на второй план»⁹.

¹ Пугачев В.В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967. С. 92.

² Туманик Е.Н. А.Н. Муравьев в Союзе Спасения. К политической биографии декабриста. 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 6. (в печати).

³ Восстание декабристов. Документы и материалы. М.; Л., 1925; 2001. Т. I–XX (далее сноски на это издание даются в тексте с указанием римскими цифрами томов, арабскими – страниц).

⁴ Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста. М., 1951.

⁵ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. I.

⁶ Порох И.В. Деятельность декабристов в Москве (1816–1825гг.) // Декабристы в Москве. Сб. статей. М., 1963. С. 19–20.

⁷ См.: Мироненко С.В. «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // Революционеры и либералы. Сб. статей. М., 1990. С. 239–240.

⁸ Там же. С. 239–250.

⁹ Туманик Е.Н. Указ. соч.

Но, обращаясь к материалам следствия, мы видим, что большинство декабристов называет причиной заговора не упоминание в письме об отмене крепостного права, а сообщение о присоединении к Польше российских провинций, и никто, кроме Никиты Муравьева, не вспомнит об «освобождении крестьян». Приведу несколько примеров. Так Фонвизин показывает: «Александр Муравьев сообщил нам письмо, кажется от князя Трубецкого, которым он сообщал ему об уступке будто бы Царству Польскому наших Польских Губерний – сие нас взволновало...» (III, 73).

Сергей Муравьев-Апостол приводит аналогичное свидетельство: «В 1817 году, члены общества, находящиеся в Москве, быв уведомлены через письмо кн. Трубецкого из Петербурга о намерении правительства будто бы возвратить Польше завоеванные губернии, собрались для рассуждения о сей мере» (IV, 277).

Вторит своим сообщникам и Александр Муравьев: «Причина, породившая сии ужасные и преступные речи, была известие об отделении от России Польских губерний и присоединении их Царству польскому» (III, 19).

И.Д. Якушкин почти через 30 лет в своих воспоминаниях подтверждает свидетельства товарищей: «Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах; во-первых, что царь влюблен в Польшу, и это было всем известно, на Польшу, который он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образование России, он смотрел как на часть Европы; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву...»¹⁰.

Итак, почти всем декабристам, участвовавшим в «заговоре», запомнилась причина, вызвавшая мысль о цареубийстве, – отделение российских провинций и присоединение их к Польше. Конечно, это могло вызвать бурю негодования. «Страстные патриоты – декабристы не могли допустить подобной несправедливости», – считает И.В. Порох¹¹. Но в письме говорилось не только об этом.

По свидетельству Никиты Муравьева, декабристы получили письмо, в котором Трубецкой извещал, «что государь император решил отделить Польские губернии от России и зная, что таковое предприятие не может исполниться без сопротивления, едет со всею Царствующею фамилиею в Варшаву, из коей издаст Манифест о вольности крепостных людей и крестьян, что тогда народ примется за оружие противу дворян и во время сего всеобщего смятения Польские губернии будут присоединены к новому царству. Такое нелепое известие произвело чрезвычайное действие» (I, 306 - 307).

Казалось, по мысли Пестеля, «освобождение крестьян от крепости входило в цель общества и, следовательно, не могло, возбудить оное к заговору (IV, 54), но все-таки возбудило, почему? Потому, что крестьяне, как считали заговорщики, получив свободу, должны будут поднять восстание.

С.В. Мироненко отсюда делает вполне справедливый вывод: «В событиях осени 1817 г. мы сталкиваемся с первым, в сущности, прямо сформулированным отношением членов Союза Спасения к кровавому крестьянскому бунту, к участию народа в решении своей собственной судьбы. При общем для декабристов решительном неприятии крепостного права этот способ его ликвидации оказался для них решительно неприемлемым»¹².

Но почему крестьяне должны были взбунтоваться, ведь они по царскому указу становились свободными?

Ответ нам поможет дать Трубецкой, оставивший свидетельство об этом эпизоде в своих «Записках». Из разговора с П. Лопухиным он узнал, что «перед самым отъездом своим из Петербурга государь объявил ему (П.П. Лопухину – Д.А.), что он непременно желает освободить, и освободит крестьян от зависимости помещиков, и на представление князя о трудностях исполнения и о противлении, которое будет оказано дворянством, сказал: “Если дворяне будут противиться, я уеду со всей своей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ”. Когда эти слова были переданы некоторым членам общества, бывшим в Москве, то в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия могла подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность, если бы государь оказал себя таким врагом Отечества, то он чувствует в себе доволно духа, чтоб принести его в жертву, не щадя собственной жизни»¹³.

¹⁰ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 16–17.

¹¹ Порох И.В. Указ. соч. С. 21.

¹² Мироненко С.В. Указ. соч. С. 249–250.

¹³ Трубецкой С.П. Указ. соч. С. 223.

Итак, по мнению Трубецкого, причина заговора: «мысль о том, каким ужасам безначалия могла подвергнуться Россия». От чего же эти ужасы могли возникнуть? От того, каким образом император решил отменить крепостное право: Александр I, опасаясь за свою жизнь, хотел бежать в Польшу и оттуда объявить о свободе крепостных. Помещики же обязательно станут противиться выходу крестьян на волю, в ответ они, зная о царском указе и видя в дворянах своих врагов, неминуемо возьмутся за оружие, и остановить кровопролитие будет некому.

Таким образом, в письме С.П. Трубецкого определенно говорилось об освобождении крестьян, но почему многим участникам совещания запомнилась другая причина возникшего заговора? Даже Н. Муравьев делает акцент именно на «польских делах» императора. Дело в том, что в письме речь шла о двух известиях. П.П. Лопухин утверждал на следствии: «В собрании сочленов я никогда не упоминал о разнесшихся слухах об отделении польских губерний от России, но говорил однажды Трубецкому, что удивляюсь отделению литовских войск от русских и употреблению в должности тех губерний единственно тамошних уроженцев, что еще в публике мало было известно, и в числе угадываемых причин полагали возможным присоединение польских губерний к Царству Польскому» (XX, 438). Трубецкой сообщал о двух намерениях Александра I и, видимо, не связывал их. На это обстоятельство обратил внимание С.В. Мироненко¹⁴.

Два слуха в сознании Н. Муравьева и, возможно, других участников совещания сплелись в один. Они легко могли совместиться, так как С.П. Трубецкой писал, что царь намеревался уехать в Варшаву и оттуда прислать указ. Заговорщики решили, что отмена крепостного права предпринималась с целью учинить смуту, в ходе которой легко будет расширить границы Польши за счет России.

Здесь характерно и показание Якушкина, сделанное на следствии. Он утверждал, что письмо «заключало в себе извещения, что будто бы покойный государь император, дав конституцию Польше, учредив отдельный Литовский корпус, присоединяя польско-российские губернии к Царству Польскому, старается сим привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную спору в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений и прочие» (III, 52).

Дальше мы вернемся к вопросу, почему некоторым членам общества запомнилась причина возникновения заговора — учреждение военных поселений. В памяти Якушкина переплелись три фактора, воспаливших умы заговорщиков. К этому времени декабристы уже знали о восстании в Новгородских военных поселениях, и в показании Якушкина прослеживается тот же мотив: смута в России, возмущение крестьян — присоединение к Польше российских губерний.

Но почему же многие из обсуждавших письмо С.П. Трубецкого, говоря о причинах «заговора», не упоминают об освобождении крестьян?

Дело в том, что отмена крепостного права была одной из основных целей тайного общества, и поэтому, по определению она не могла быть причиной возникновения цареубийственных замыслов против императора, который сам хотел дать крестьянам свободу. Поэтому-то декабристы забыли об этом сообщении в письме или не хотели говорить следователям.

При прочтении письма «начались толки и сокрушения о бедственном положении, в котором находится Россия под управлением императора Александра»¹⁵, «... преступный разговор сей общий, был шумный, происходил в беспорядке, ...многие говорили вместе, не слушая и не выслушивая других. Иной ... курил табак, другой ходил по комнате...» (III, 104).

Свое состояние в этот момент красочно описал Якушкин в мемуарах: «Меня проникла дрожь; я ходил по комнате и спросил у присутствующих, точно ли они верят всему сказанному в письме Трубецкого и тому, что Россия не может быть более несчастна, как оставаясь под управлением царствующего императора»¹⁶. Его уверили, «что, то и другое, несомненно». Произнося свой вопрос, Якушкин внутренне решил на самый отчаянный поступок — убить царя. На следствии он показывал: «объявил я им, что в таком случае я готов пожертвовать собой, дабы спасти Россию от гибели, и решаюсь покуситься на жизнь покойного Государя императора (III, 52).

В [своих]«Записках» Якушкин немного по другому восстанавливает цепочку событий, которая кажется более верной, так как подтверждается показаниями некоторых участников «заговора». Не он первый предложил убить царя, Якушкин только намекал на таковую необходимость. Он пишет: «В таком случае, сказал я, тайному обществу тут нечего делать и

¹⁴ См.: Мироненко С.В. Указ. соч. С. 248.

¹⁵ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 17.

¹⁶ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 17.

теперь каждый из нас должен действовать по собственной совести и собственному убеждению». Эти слова произвели огромное впечатление на собравшихся: «На минуту все замолчали»¹⁷.

Якушкин предлагал распустить общество и действовать на свой страх и риск против императора, который, несомненно, в свете полученных известий, представал перед ним как тиран, угрожающий Отечеству. Как справедливо отметили современные исследователи М.П. Одесский и Д.М. Фельдман, «в мемуарах Якушкин подчеркивал именно тираноборческую установку... Логическая схема тут очевидна: монархомах всегда одиночка, и если принял решение, то в сообщниках не нуждается»¹⁸. Кроме того, «наказание тирана, цель самодостаточная: тираноборец по определению не может связывать свое решение с конкретной политической прагматикой, тем более – пользой для организации»¹⁹.

Якушкин, видя себя тираноборцем, предлагая распустить общество, желал действия на пользу России, прежде всего, и для того решился убить царствующего императора. Но не он предложил эту меру. В своих воспоминаниях Якушкин пишет: «Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий угрожающих России необходимо прекратить царствование императора Александра, и что он предлагает бросить между ними жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю»²⁰. Предлагая бросить жребий и им определить того, кто должен будет совершить покушение на жизнь царя, А. Муравьев предлагал действовать в интересах тайного общества.

Такое предложение было возможно только при условии полного принципиального согласия всех присутствующих на цареубийство, и оно было. По свидетельству Фонвизина: «все решились посягнуть на жизнь монарха» (III, 73).

«Присутствующие на совещании члены, — показывал Якушкин, — предложили мне разделить со мной опасность предприятия и представить жребию назначить того, кто должен совершить оное; но я отверг их участие, не желая никого из них подвергнуть опасности...» (III, 52). Это свидетельство подтверждает готовность многих членов общества совершить покушение, но Якушкин, не желая «повергнуть себя жребию», а друзей опасности, решился действовать сам, осознавая, что будет действовать для достижения целей общества.

Почему именно он, и никто другой проявил такую решимость? По свидетельству Никиты Муравьева: «Якушкин, который несколько лет уже мучился несчастною страстью, и которого друзья с трудом несколько раз спасали от собственных рук, представил себе, что смерть его может быть полезна России...» (I, 306). Об этом же говорит и Фонвизин: «Наверное, не вспомню, чтобы Якушкин вызвался исполнить злодеяние, но сие могло случиться, ибо кроме его тогдашней пылкости, мне известно, что он тогда имел горе, тяготился жизнью, желал умереть — но ненависть ему была чужда» (III, 73).

Это обстоятельство позволило М.С. Лунину утверждать на следствии: «Сие злодеяние, совершенно не согласное с целью и духом общества, было единогласно принято как происходящее от расстройства способностей ума его, г. Якушкина, и никто из членов не полагал, чтобы он когда-либо принял меры для приведения сего преступного намерения в исполнение основываясь на том, что г. Якушкин, как потом всем сделалось известно, имел припадки сумасшествия и, следовательно, позабыв о сем, не будет упорствовать в своем заблуждении» (III, 118).

Эти свидетельства позволяют понять состояние декабриста: пылкий, горячий в обычной жизни, под давлением обстоятельств он выглядел почти сумасшедшим. Он не хотел жить, делал попытки самоубийства в недавнем прошлом, а в эти минуты решил, что его смерть будет во благо отечества. Его решимость, граничившая с обреченностью, сам вызов — все это казалось сумасшествием. «В тот же вечер, как я объявил намерение мое, — свидетельствует сам Якушкин, — Фонвизин уверял меня, что оно сумасшедшее, что решительность моя привести его в действие, вероятно, пройдет с лихорадкой, которую я тогда чувствовал» (III, 56).

Сам же потенциальный цареубийца смотрел на дело гораздо спокойнее, чем это казалось окружающим его. Он вспоминает: «Фонвизин подошел ко мне и просил меня успокоиться, уверяя, что я в лихорадочном состоянии и не должен в таком расположении духа брать на себя обет, который завтра же покажется мне безрассудным, со своей стороны,

¹⁷ Там же.

¹⁸ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Декабристы и террористический тезаурус // Литературное обозрение. 1996. № 1. С. 75.

¹⁹ Там же.

²⁰ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 17.

я уверял Фонвизина, что я совершенно спокоен, в доказательство чего предложил ему сыграть в шахматы и обыграл его»²¹.

Как же Якушкин собирался исполнить свое намерение? На следствии он указывал: «Каким образом хотел я совершить убийство, я не знаю и, сколько могу припомнить, никогда не знал, ибо не имел довольно время, чтобы сие обдумать, но, во всяком случае, предполагал, по совершении одного убить себя» (III, 53).

Якушкин совершенно ясно определил для себя план цареубийства, вернее одну его существенную деталь — умереть сразу после покушения. На это были две причины, об одной мы уже говорили — он не хотел более жить, а о другой Якушкин рассказывает в Записках: «Совещание прекратилось, и я с Фонвизиним уехал домой. Почти целую ночь он не дал мне спать, беспрестанно уговаривая меня отложить безрассудное мое предприятие, и со слезами на глазах говорил мне, что он не может представить без ужаса ту минуту, когда меня выведут на эшафот. Я уверял, что не доставлю такого ужасного для него зрелища»²². Так вторая причина, по которой Якушкин планировал убить себя после покушения, нежелание подвергнуться публичной казни, а перед ней следствию и, возможно, пыткам.

Но была и третья причина: «планируя аттентат, Якушкин считал смерть царя необходимостью, но понимал, что вероломное убийство неизбежно вызывает общее осуждение. В «традиционно-сословном» социуме ни сам убийца, ни его соучастники не могли бы рассчитывать на открыто проявляемое сочувствие и поддержку, поскольку совершили то, что социум в целом воспринимал как сакральное преступление. И Якушкин предложил вариант, снимающий с тайного общества ответственность: вся вина возлагалась на стрелявшего, который действовал по собственной инициативе, причем самоубийством заранее исключал арест и допрос о побудительных причинах»²³. Другими словами, Якушкин понимал, что даже если в результате его действия общество окажется у власти, ему все равно следовало умереть на месте преступления, иначе его пришлось бы казнить и сделать это могли его же друзья, так как они не смогли бы, покрывая цареубийцу, рассчитывать на поддержку народа, при предъявлении требований к новому монарху и осуществлении преобразований.

Якушкин сделал свой выбор. Никита Муравьев говорит о его намерении застрелиться: «Убийца не должен жить, говорил он, я вижу, что судьба меня избрала жертвою. Я убью царя и после застрелюсь» (I, 306—307). И правда, если Якушкин решил убить себя после покушения, то сделать это вернее при помощи пистолета, а не кинжала. А отсюда происходит и весь план декабриста, рассказанный им в «Записках»: «Я решился по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих»²⁴.

Таким образом, решение воспользоваться для покушения пистолетом, обуславливается, во-первых, намерением после убийства императора застрелиться, чтобы не быть схваченным; а во-вторых, как полагают М.П. Одесский и Д.М. Фельдман: «Взойти на эшафот как вульгарный убийца, орудовавший ножом... — перспектива не лучшая, да и пистолеты офицеру привычнее»²⁵. Якушкину требовалось обоснование своего поступка. Он не хотел выглядеть убийцей, и свое покушение стремился рассматривать не как убийство, а как тираноборческий акт или как дуэль. Но с полным правом этого было сделать невозможно. Следственные документы передают нам, что Якушкин называл себя и убийцей и жертвой: «убийца не должен жить, — говорил он, — я вижу, что судьба меня избрала жертвою...» (I, 306—307) или «рок избрал меня в жертвы, сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить, совершу удар и застрелюсь» (XVII, 27).

Убийца и жертва, злодей и жертва в одном лице — это тираноборец, каковым мыслил себя Якушкин. Характерно, что он указывал: рок, судьба избрали его в жертву, хотя известно, что он не пожелал подвергнуть себя жребию (III, 42). Решившись убить императора, он знал, какая участь его ждет, он должен умереть, и потому что этого требовали обстоятельства и потому, что это требовалось от тираноборца: «Юридический характер акта монархомахии подчеркивался использованием вполне определенной системы знаков: тиранина следовало по античному образу сразить ударом кинжала, причем убийце надлежало

²¹ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 17.

²² Там же. С. 17—18.

²³ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования. М., 1997. С. 111.

²⁴ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 18.

²⁵ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Декабристы и террористический тезаурус. С. 75.

остаться на месте покушения. Последнее условие было важнейшим: восстанавливая законность, монархомах формально преступал закон, поскольку общество не уполномочило его быть судьей или палачом, однако он сознательно обрекал себя на гибель, дабы еще раз утвердить главный принцип – наказуемо всякое нарушение закона, кто бы и зачем его ни нарушал»²⁶.

Якушкин не мог соблюсти весь ритуал тираноборческого акта, он не мог остаться на месте живым, быть схваченным и взойти на эшафот. Этим он подвергал тайное общество опасности быть раскрытым и уничтоженным, а себя опасности пыток, следовательно, он должен был умереть тут же, и сделать это было всего удобнее с помощью пистолета. Поэтому-то нельзя было воспользоваться античным образцом, сразить тирана кинжалом, покушение не вписывалось в традицию тираноборчества, хотя, в понимании Якушкина, оно таковым было по сути своей.

Сам способ покушения подсказывал обратиться ко второй модели – «дуэльной». Но дуэль это тоже ритуал. Поэтому М.П. Одесский и Д.М. Фельдман совершенно правы, когда пишут, что «... рассуждения о дуэли, пусть и «поединке на смерть обоих», тоже алогичны. Это противоречило тогдашнему словоупотреблению. Дворянский поединок не исчерпывался сведением счетов, мстью, физической расправой с противником. Дуэль осмыслялась в качестве признаваемой обществом процедуры защиты чести: бросивший вызов, или принявший, должен был в первую очередь не отомстить обидчику, не унижить его, но себя возвысить в глазах общества, проявить храбрость, демонстративно рисковать жизнью, убеждая всех, что честь ставит выше. Отсюда вытекало и требование изначального равенства условий, предоставления каждому дуэлянту равных возможностей нанесения удара. Нет равенства — нет и «благородной схватки». Она и не планировалась: Якушкин хотел застрелить безоружного, не ожидающего нападения. Финальный выстрел в себя ничего, по сути, не менял, вероломное убийство с последующим самоубийством никоим образом нельзя было считать дворянским ритуальным единоборством»²⁷.

«Зачем же Якушкин, — спрашивают исследователи, — ввел в свои рассуждения тему «поединка на смерть обоих»?». И отвечают: «Очевидно дворянину, офицеру гвардии в равной мере претили все роли, связанные с тираноборчеством: судьи, палача и преступника. «Дуэльный» вариант здесь мыслился выходом из нежелательного положения. И это обусловлено не экстравагантностью «меланхолического» заговорщика, но своеобразной, характерной для декабристского круга ментальностью»²⁸.

Попытаемся дополнить ответ на этот вопрос. Ю.М. Лотман так определяет понятие дуэль: «Дуэль (поединок) — происходящий по определенным правилам, парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с обиженного позорного пятна, нанесенного оскорблением... Дуэль представляет собой определенную процедуру по восстановлению чести и не может быть попята вне самой специфики понятия «честь» в общей системе этики русского европеизированного послепетровского дворянского общества. Естественно, что с позиции, в принципе отвергавшей это понятие, дуэль теряла смысл, превращаясь в ритуализированное убийство»²⁹.

Примечателен ответ Якушкина на предложение А. Муравьева жребием назначить цареубийцу: «...я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести»³⁰. Для Якушкина убийство императора — восстановление чести, ради нее он приносит в жертву свою жизнь. И как справедливо отметил Ю.М. Лотман: «Дуэль с ее строгим ритуалом, представляющая целостное театрализованное действие — жертвоприношение ради чести...»³¹. Но надо отметить, что Якушкин стремился к восстановлению не столько своей чести, сколько чести России. По его мнению, Александр I оскорбил, унижил отечество своими намерениями учинить междоусобие, смуту, отдать русские земли Польше. Оскорбление Родины было оскорблением ее защитника. И защита достоинства отечества была защитой чести декабриста. Поэтому Якушкин мог вполне правомерно обратиться к «дуэльному» варианту осмысления своего поступка. Ведь, в дуэли, с одной стороны, «могла выступать на первый план узко сословная идея защиты корпоративной чести, а с другой — общечеловеческая, несмотря на архаические формы, идея защиты человеческого достоинства»³².

²⁶ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора. С. 32.

²⁷ Там же. С. 110.

²⁸ Одесский М.П., Фельдман Д.М. Декабристы и террористический тезаурус. С. 76.

²⁹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб., 1999. С. 164.

³⁰ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 22.

³¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 174.

³² Там же. С. 166.

К тому же сама внешняя форма покушения способствовала соотнесению ее с моделью «поединка». Покушение и дуэль – это опасность, опасность смерти. В дуэли «опасность, сближение лицом к лицу со смертью становятся очищающими средствами, снимающими с человека оскорбление»³³. В этом равенство условий между царем и декабристами: «поединок на смерть обоих», и император и Якушкин подвергались одной опасности – быть убитым, и не важно, что она исходила от одного человека. Последующее самоубийство Якушкина выравнивало убийцу и убитого царя. Смерть обоих восстанавливала принцип равенства условий, принцип, очень важный в дуэли.

По сути дела для Якушкина, в меньшей степени, а для Александра Муравьева в большей, намерение убить императора Александра I, связывалось с началом действий тайного общества. Сергей Муравьев-Апостол свидетельствует: «Припоминаю теперь, что действительно Александр Муравьев сделал первый предложение на означенном совещании в 1817 году начать немедленно действие и, кажется, о покушении на жизнь покойного государя» (III, 106). Мысль о покушении на царя была ответной реакцией, само собой разумеющейся, на осознание членами тайного общества, «что государство не может быть в худшем положении как под управлением государя Александра Павловича» (III, 42). Но как запомнилось С. Муравьеву-Апостолу, Александр Муравьев связал эту мысль с намерением «начинать немедленно действие», то есть вслед за цареубийством должно было последовать выступление тайного общества. Это соответствовало и правилам общества. Из устава Союза Спасения – Общества истинных и верных сынов отечества, гипотетически реконструированного академиком М.В. Нечкиной, мы узнаем, что членами было «предложено исторгнуть у правительства конституцию путем открытого выступления тайного общества в момент смены монархов на престоле»³⁴. Предполагаемое цареубийство, которое в свете полученных известий считалось необходимым, должно было ускорить такую смену императоров, и общество, исходя из его устава, не могло этим не воспользоваться.

Еще много ранее, во времена разработки устава Союза Спасения, по свидетельству П.П. Лопухина: «Александр Муравьев утверждал, что можно со временем какими бы то средствами ни было, а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление» (XX, 438). Какими же средствами предлагал Муравьев «принудить» правительство в этой ситуации? Сергей Муравьев-Апостол показывает: «Решено было скорей все предпринять» (IV, 256). «Все предпринять» означает, что планировалось не одно действие, а несколько.

П.И. Пестель, не участвовавший на совещании, показывал на следствии: «... в бытность мою в Петербурге, получил князь Сергей Трубецкой из Москвы письмо одного из членов, в котором извещались члены, в Петербурге бывшие, что, члены в Москве находящиеся, решились действие начать и поэтому требуют нашего согласия и нашего прибытия в Москву» (IV, 112). Как видим, Пестель определенно говорит о намерении общества «начать действие»; но о причинах этого намерения он говорит следующее: «Оно возникло между ними по случаю известий ими полученных о тех ужасах, которые якобы происходили в Новгородской губернии при введении военных поселений. Жребий назначил Якушкина. Скорое оставление сего намерения доказывает, что оно произведено было минутным остервенением о слыханных якобы ужасах...» (IV, 112).

Как известно, не эта причина стала началом «заговора». Но почему ее называет Пестель? Сам он на совещании не был, и информацию о нем имел от своих товарищей. Пестель показывает на следствии: «мне же говорили члены общества, бывшие в то время в Москве, и между прочими Никита Муравьев, что приступили к составлению сказанного заговора по известиям, полученным о происходившем в Новгородских поселениях. Не быв сам в Москве, говорю, то что слышал» (IV, 154). Но Никита Муравьев на следствии выделял другие причины, о военных поселениях он не упоминал, и мог ли он передать Пестелю неправильные сведения? Видимо нет. Исследователь С.В. Мироненко, написавший специальную статью по вопросу о причинах Московского заговора, считает: «что вполне возможно, что источником этих сведений был для Пестеля участник Московских совещаний Матвей Муравьев-Апостол»³⁵. Действительно на следствии Матвей Муравьев показывал: «... Я слышал, что в 1817 году, когда военные поселения начались, общество зеленой книги хотело воспользоваться сим случаем, чтобы начать действия свои» (IV, 229). Вероятно, Пестель перепутал Матвея Муравьева-Апостола с Никитой Муравьевым, но запомнил то, что сообщил Матвей.

³³ Там же. С. 167.

³⁴ Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 163.

³⁵ Мироненко С.В. Указ. соч. С. 247.

Кроме Матвея Муравьева-Апостола, мотив военных поселений, как причина заговора, запомнился и Якушкину. В своих следственных показаниях он утверждает, что все действия Александра I, связанные с Польшей, предпринимаются для того, чтобы «привлечь к себе привязанность поляков, дабы иметь в них верную опору, в случае сопротивления в России угнетениям, угрожающим ей при учреждении военных поселений» (IV, 52).

Почему же возник и запомнился этот мотив предполагавшегося цареубийства?

Тот же Матвей Муравьев-Апостол свидетельствует: «Александр Муравьев сделал предложение воспользоваться сопротивлениями, которые делали в Новгородской губернии военным поселениям» (IX, 252).

После предложения о цареубийстве, которое было принято, и решением воспользоваться им для выступления тайного общества с целью «принудить» правительство согласиться на представительное правление, вставал вопрос – как это сделать? Александр Муравьев понимал, что само общество, будучи еще очень малочисленной организацией, не имеет средств силой заставить нового монарха и правительство ограничить самодержавие. Поэтому он и предложил опереться на военные поселения. «Таким образом, – пишет И.В. Порох, – цареубийство рассматривалось как сигнал к решительным действиям. В сочетании с волнениями в военных поселениях этот акт должен был приблизить достижение политической цели общества – ограничение самодержавия конституцией»³⁶.

Предложение это было отвергнуто. Как справедливо отметила М.В. Нечкина, Александр Муравьев «предложил опереться на крестьянское восстание»³⁷. Если вспомнить, что сама причина заговора была в известии о намерении Александра I освободить крестьян и тем самым вызвать их возмущение против дворянства, то становится понятно, почему отвергли это предложение А. Муравьева. Декабристы не принимали, не хотели вызвать крестьянский бунт и не желали им воспользоваться. Предложение Александра Муравьева в некоторой степени соответствовало самой причине заговора, поэтому в таком качестве оно запомнилось некоторым участникам совещания.

Но вопрос о том, как воспользоваться покушением, что предпринять и какими силами не снимался с повестки дня.

В показаниях М.П. Бестужева-Рюмина, близкого друга Сергея Муравьева-Апостола, есть одно интересное сообщение. Самого Бестужева на совещании не было, но он мог иметь о нем сведения от своего друга. Несколько путаясь в событиях и фактах, он пишет, что на совещании «Сергей Муравьев написал тогда речь, в которой он сильно восставал против замышляемого убийства. В ней он предлагал овладеть доверием войск, захватить Москву и провозгласить там новый порядок» (IX, 46). Как видим, С. Муравьев-Апостол предложил целый план восстания, но он был «долгосрочный», так как для того, чтобы «овладеть доверием войск» требовалось время. Поэтому то, как мы узнаем из показаний Матвея Муравьева-Апостола: «Сергей восстал против предложения Александра Муравьева, но, видя, что его совета не принимают, он предложил собраться через два или три дня, чтобы опять рассмотреть сие предложение, но, будучи болен, он мне дал мнение свое, которое он написал, когда прочитали оное - все отстали от сделанного предложения, из всех присутствующих членов брат мой один был против сего покушения» (IX, 252).

Из показаний Якушкина мы знаем, что Фонвизин в тот же день отговаривал его от мысли о покушении на царя. Таким образом получается, что два человека были против предложения А. Муравьева (это подтверждают и показания Никиты Муравьева, он пишет: «г. Фонвизин и Сергей Муравьев-Апостол взяли у него письмо, прочли, и нашли обвинение нелепым, говорили, что это все горячка и убедили Якушкина дожидаться объяснений <князя > Трубецкого» (I, 306).

Сергей Муравьев-Апостол был против предложения А. Муравьева и Якушкина, потому что у него был свой план. Достоверно известно, что он изложил его на бумаге, об этом говорят и Бестужев-Рюмин, и Матвей, и сам Сергей Муравьевы-Апостолы. Но когда он его написал, остается неясным: в тот ли день, когда происходило совещание или же через два-три дня. Сам Сергей Муравьев свидетельствует, что уже «на другой день, обдумав неосновательное намерение наше, и быв болен, я изложил на бумаге мое мнение, коим останавливал предпринятое действие, доказывая скудность средств к достижению цели. Мнение сие подействовало, и намерение оставлено» (IV, 256).

Итак, достоверно известно, что Сергей Муравьев именно написал свою речь, тщательно обдумав, и написал ее в другой день. И как он считает, именно это письмо остановило членов общества. Что же было в письме? Приведем показание Сергея Муравьева-Апостола: «В то время, быв болен нарывом на щеке, я писал на сей счет мнение, вручен-

³⁶ Порох И.В. Указ. соч. С. 21.

³⁷ Нечкина М.В. Указ. соч. С. 177.

ное мною брату, для прочтения членам, в коем я уговаривал их не прибегать к подобной мере, доказывая скудность средств их, и совершенную невозможность начинания какого-либо действия» (IV, 277). Муравьев-Апостол утверждал, что общество не сможет воспользоваться покушением Якушкина, так как оно само еще очень малочисленно и не имеет влияния на войска. У общества нет никаких средств, чтобы силой принудить правительство принять конституционное правление, поэтому, считал он, нужно отложить покушение, хотя бы «до времени», т.е. времени, когда тайное общество будет сильнее.

Можно предположить, что еще на первом совещании Сергей Муравьев излагал свой план восстания с опорой на войска, и говорил о невозможности его пока осуществить. Надо принять во внимание, что члены общества согласились с ним, и были убеждены не красноречием Сергея, а его письмом, которое читал его брат, Матвей Муравьев-Апостол. Чтобы согласиться с планом и отложить покушение, нужно было время для обсуждения его, поэтому-то Сергей Муравьев предлагал перенести совещание, и собраться через два-три дня.

Видимо, Сергей Муравьев-Апостол предлагал после убийства императора, которое совершит один из членов общества, поднять войска и с помощью них захватить Москву (т. е. все правительственные учреждения, двор и всю императорскую семью), и затем провозгласить «новый порядок» в государстве (т. е. ввести конституционное правление). В данное время это сделать невозможно, – доказывал С. Муравьев – так как нет сил и средств у тайного общества («скудность средств») и чтобы их приобрести нужно «овладеть доверием войск», а так как в ближайшем будущем это сделать будет невозможно, то требовалось отложить покушение Якушкина на неопределенное время.

Анализируя следственные документы, можно предположить, что на совещании доводы Сергея Муравьева-Апостола оспорил князь Федор Шаховской. По свидетельству Матвея Муравьева-Апостола, он «тогда предложил, чтоб сие исполнилось, когда полк, в котором я служил, будет занимать караулы – потому что в отряде мы не имели еще офицеров» (IX, 252).

Федор Шаховской предложил вариант. Почему нельзя поднять войска? Потому, что ни в одном из полков нет достаточного количества офицеров – членов тайного общества, которые бы пользовались авторитетом у солдат и смогли бы их повести за собой. А раз так, то можно воспользоваться тем полком, в котором пока, по каким-то причинам, нет достаточного количества офицеров, а из наличествующих в нем, трое члены тайного общества. Таким образом, можно было рассчитывать, по крайней мере, на один батальон Семеновского полка, в котором служили Ф. Шаховской, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Сам Сергей Муравьев показывает: «помню, что было предложено воспользоваться для предлагаемого действия тем временем, когда Семеновский батальон будет в карауле...» (III, 106).

Конечно, захватить весь город одним полком нельзя, но когда он будет в карауле легко можно овладеть императорской семьей, двором и убить самого царя, но примеру обычных дворцовых переворотов, совершаемых с помощью гвардии. На убийство императора вызывался сам князь Федор, по свидетельству Матвея Муравьева, «князь Шаховской тогда только что и говорил, что он готов посягнуть на жизнь государя...» (IX, 269).

Можно гипотетически установить, что предложение Шаховского встретило сопротивление со стороны двух человек. Во-первых, Сергея Муравьева-Апостола, который свой план строил на точном расчете и хотел быть уверен в поднимаемых войсках. Пойдут ли Семеновские солдаты без офицеров за заговорщиками, было не известно. Это был огромный риск, и подвергать ему общество Муравьев-Апостол не собирался. Шаховской настаивал, и может быть, поэтому Сергей назвал его «le tigre» (IX, 269). Во-вторых, противился вызову Шаховского Якушкин, который первый предложил себя в цареубийцы и не собирался «никому уступать этой чести». Видимо спор разгорелся очень жаркий. Есть свидетельство Никиты Муравьева, что Ф. Шаховской, «сильно опровергал» предложение Якушкина и «не дождавшись даже конца, оставил собрание и возвратился к себе на квартиру» (III, 90–91).

Совещание, видимо, ничем определенным не закончилось, разве что написали в Санкт-Петербург письмо, в котором, по свидетельству Пестеля, «извещались члены в Петербурге бывшие, что члены в Москве находящиеся, решились действие начать и потому требуют нашего согласия и нашего прибытия в Москву» (IV, 112). Прежде всего, хотели услышать объяснения князя Трубецкого, чтобы убедиться в достоверности его сведений (I, 306–307). Сам князь Сергей Петрович «не мало удивился и утрастился, узнав... какое действие произвело» его письмо (I, 52), поэтому он, по получении письма, «в тот же день испросил себе отпуск в Москву», чтобы удержать членов общества там находившихся от исполнения их намерений. Но Трубецкому не нужно было отговаривать участников совещания. Они «сами уже сие намерение бросили».

Как это произошло? Нам известно, что два человека были против немедленного царевубийства уже на самом совещании. После него Сергей Муравьев-Апостол готовил письмо, должное убедить всех членов. Фонвизин убеждал остыть Якушкина. Сергей Муравьев говорил с братом Матвеем и его тоже, видимо, убедил в своей правоте. Оставалось убедить остальных.

Из мемуаров Якушкина мы узнаем, что «на другой день Фонвизин, видя, что все его убеждения тщетны, отправился в Хамовники и известил живущих там членов, что я (Якушкин – Д.А.) никак не хочу отложить намериваемого мной предприятия. Вечером собрались у Фонвизина те же лица, которые вчера были у Александра Муравьева; начались толки, но совершенно в противоположном смысле вчерашним толкам. Уверяли меня, что все сказанное в письме Трубецкого может быть и неправда, что смерть императора Александра в настоящую минуту не может быть ни на какую пользу для государства и что, наконец, своим упорством я гублю не только всех их, но и тайное общество при самом его начале, которое, со временем, могло бы принести столько пользы для России...»³⁸.

Видимо, убеждения Сергея Муравьева-Апостола подействовали и письмо, которое прочитал Матвей Муравьев, довершило дело. Члены общества усомнились, во-первых, в достоверности самих сведений Трубецкого, вызвавших «заговор», во-вторых, убедились, что в данное время ничего нельзя сделать для пользы государства и любое предприятие способно погубить тайное общество.

Оставалось в этом убедить Якушкина и Шаховского. Есть известие, что последний говорил о своем предложении наедине с Александром Муравьевым. На очной ставке А. Муравьев утверждал, что «Шаховской точно говорил, чтобы воспользоваться для покушения временем, когда Семеновский полк будет в карауле, и о сем же говорил в последствии наедине» (III, 107).

На втором совещании он тоже долго не мог успокоиться. Из показаний Лунина, который, видимо, не присутствовал на первом совещании, но был на втором, мы узнаем: «При совещании или, лучше сказать, заседании тайного общества, ибо намерение сие было принято до моего прибытия и без моего сведения, при заседании по сему предмету, в моем присутствии происходившем, находился князь Шаховской, и сколько могу припомнить, говорил то, что ему приписывают» (III, 124), т. е. говорил о намерении совершить покушение, когда Семеновский полк будет в карауле.

Прямых данных нет, удалось ли убедить Шаховского оставить свое намерение в тот день или это произошло намного позже, но ясно, что если большинство членов общества и, самое главное, братья Муравьевы-Апостолы, сослуживцы его по Семеновскому полку, отвергли этот план, то сам он осуществить его не мог.

Зато точно известно, что удалось убедить Якушкина. На следствии и в мемуарах он рассказывал: «Я согласился на их предложение, но вместе с сим объявил им, что общество их подвергло меня малодушию отказаться от исполнения того, что ими же признано было единственным средством спасти Россию, или, в противном случае, увлекло меня к намерению, исполнение которого не только было вредно, но и совершенно пагубно для России, почему я и поставляю себе долгом отказаться от всякого сношения с ними как с членами тайного общества и к оному более не принадлежать»³⁹ (III, 53). Кстати сказать, это показание Якушкина доказывает, что он собирался действовать именно в интересах тайного общества. Он указывает: «сообщество подвергло меня..., увлекло меня к намерению...».

Декабристы на следствии утверждали, что весь заговор: намерения царевубийства, восстания были «одни преступные слова, в непозволительной горячности произнесенные: а сие доказываться тем, что хотя и было некоторое как бы положение, но никто, ни одного шага не ступил далее; а на другой день и никогда более, ни слова о том упомянуто не было» (III, 10). Все члены «на завтра устыдились гнусного намерения», – указывает Фонвизин (III, 73). А Сергей Муравьев-Апостол убеждает следователей, что «предложенное действие было столь же мгновенно принято, как и отвергнуто, так что в каких-нибудь пять или шесть дней все разговоры о том кончены» (III, 106).

Кажется мало вероятным, чтобы вопрос такой важности как царевубийство и начало восстания был сразу же забыт после совещаний. Логичнее предположить, что декабристы не раз еще в разговорах в ближайшие дни возвращались к этой теме. И верно ли, что все страсти утихли в течение 5–6 дней. Видимо нет. И это доказывает происшествие, связанное с вызовом на царевубийство Артамона Муравьева.

³⁸ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 18.

³⁹ Там же.

На следствии он рассказал: «В 1817 году... приехав... Москву, я по родству часто бывал у полковника Александра Муравьева.... Заметив, что он с Никитою Муравьевым, Катениным, и некоторыми другими толкуют, и как будто бы меня избегают, я почувствовал самолюбие мое оскорбленным и всемерно старался к ним присоединиться: в чем, наконец, успел, быв ими принят в общество...» (XI, 119). Артамон Муравьев захотел вступить в общество, как он сам показывал, потому что «видя в начале себя избегающим людьми мне близкими и всегда по их способностям мною уважаемым, нашелся от сего оскорбленным, давая себе толкованием их меня не уважения суетную мою жизнь, или полагал, что по не способностям меня не полагают достойным. Вот что заставило меня домогаться, не зная даже чего, и решаюсь сблизиться, найти способ доказать, что во мне ошибались» (XI, 97).

Для этого Артамон Муравьев решился вызваться на цареубийство. По показаниям Александра Муравьева: «Сие предложение полковника Артамона Муравьева, было последствие... преступного заговора в 1817 году, о котором преступные отголоски дошли и до Артамона Муравьева» (III, 30).

Сам Артамон утверждал, что слышал разговоры о намерении убить царствующего тогда императора: «Не припомню обстоятельств, но была речь в Москве покушиться на жизнь государя императора» (XI, 120).

Как известно на самих совещаниях Артамон Муравьев не присутствовал, он приехал немного позже, и это его показание подтверждает, что разговоры о покушении на царя не прекращались, иначе, как бы они стали известны новому члену общества. Он также знал, что «при начале общества сего не предпримут» (XI, 97). Поэтому, вызываясь на цареубийство, Муравьев ни чем не рисковал. Он не боялся, что это намерение придется исполнять, так как был уверен: его предложение не примут.

Зачем ему это было нужно? Как он сам говорил: «Имел целью вызвавшись показать, что под личиною суетного и ветреного человека скрывается отчаянный» (XI, 97). Способ цареубийства Муравьев выбрал эффектный, в лучших традициях тираноборчества, он доказывал, что «сие можно сделать на бале в Грановитой Палате» (XI, 120). Царь должен был быть поражен среди своих придворных, и убийце не удалось бы скрыться. Орудием убийства, конечно же, должен был быть кинжал, так как с пистолетом идти на бал не стало и его трудно спрятать. Артамон Муравьев тоже хотел выглядеть тираноубийцей.

Александр Муравьев, к которому Артамон пришел со своим намерением, отвергнул его предложение. Характерна мотивация: «безрассудно сие предпринять и невозможно при начале общества, где ничто не готово» (XI, 120). Итак, план был отвергнут по двум причинам: во-первых, он «безрассуден», его трудно исполнить, и он очень театрален, во-вторых, при начале общества этого предпринимать вовсе не следует, так как «ничего не готово».

Видимо, убеждения Сергея Муравьева-Апостола сильно подействовали, и Александр Муравьев хорошо понял, что убийство может привести к гибели общества, которое сейчас просто не в состоянии им воспользоваться.

Артамон Муравьев утверждал на следствии, что «вызвался на сие с Никитою Муравьевым» (XI, 120). Это его утверждение позволило многим историкам (М.В. Нечкина, И.В. Порох, Н.М. Дружинин и др.) считать, что Никита Муравьев также вызвался и был готов совершить в тот момент цареубийство. Хотя сам Н. Муравьев показывал: «Артамон Муравьев говорил мне о том в 1817 году, но я вовсе не вызывался и не обещался участвовать в том, а почитал это за одни пустые слова» (III, 27). Это подтверждает и показание Александра Муравьева: «... действительно капитан Никита Муравьев и полковник Артамон Муравьев приезжали одни ко мне вечером, и застали меня одного, ... полковник Артамон Муравьев сделал означенный вызов, а Никита Муравьев оно не делал и ничего не говорил, ... полковник Артамон Муравьев, был точно мною в том оставлен. Но сей его вызов, был сделан в минуту запальчивости и верно бы и сам на сие злодеяние не покусился, когда бы несколько успокоился (III, 30).

Из показания можно сделать вывод, что Александр Муравьев отнесся к предложению Артамона с долей недоверия, и он почувствовал это. «После этого я заметил, — говорит Артамон Муравьев, — что Александр Муравьев меня постигнул, и стал отдаляться как от человека только словами на все готового, а на дело неспособного...» (XI, 120). И в самом деле, зачем, зная, что все равно тайным обществом цареубийство принято, не будет вызываться на это. Тем более непонятно, как мог предложить себя в убийцы Никита Муравьев, который участвовал в совещаниях, и о нем нет более никаких свидетельств, что он вызывался на покушение в ходе совещаний, или сразу после них. В лучшем случае здесь можно предположить, что, видя горячность Артамона Муравьева, его страстное желание быть полезным тайному обществу, Никита его одобрил и поддержал, но счел нужным свести его с Александром Муравьевым, чтобы он убедил Артамона оставить свое намерение, или отложить его.

Характерна уверенность Артамона Муравьева, что покушение не предпримут именно «при начале общества», то есть декабристами не отвергалась сама мысль о покушении, они только считали, что предпринимать его еще рано, общество не готово им воспользоваться. Сам акт цареубийства воспринимался в качестве средства начала решительного действия, то есть выступления тайного общества. И, видимо, поэтому Никита Муравьев не остановил сразу Артамона, а сообщил о нем как об еще одном кандидате в цареубийцы. К тому же следует учесть, что Якушкин отказался от общества, а Шаховской, вследствие возникших разногласий, наверно, казался не вполне надежным.

Между тем, когда Александр отвергнул вызов Артамона Муравьева, он очень обиделся: «это меня оскорбило, и я тогда Никите Муравьеву говорил, в этом смысле, прежде все они говорили, а как пришло решиться на вещь, где нужна решимость, так и прочь. Я да ты отчаянны только...» (XI, 120).

Таким образом, мы имеем вполне достоверную и цельную картину заговора, по которой можно судить не только об идеологии первого тайного общества, но и о предполагаемой тактике. И без сомнения, события связанные с «Московским заговором» отразились на всей последующей истории движения декабристов.